

Рёити Томарино

МОНОЛОГ КАК ДИАЛОГ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Автор исследует монолог как художественный прием, характерный для русской литературы XIX – начала XX века. Монологическая речь обычно считается избыточной для художественного произведения. Однако в некоторых случаях именно монолог позволяет выразить как особое душевное состояние героев, так и соответствующие идеи автора. Так, в поэме «Великий инквизитор» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» можно видеть типичный пример такого монолога. Сначала Великий инквизитор ведет себя властно по отношению к Христу и даже хочет сжечь его на костре, однако после произнесенного им монолога испытывает страх перед Христом и отпускает его. В то же время, инквизитор вовсе не отказывается от своих убеждений. В данном случае монолог можно условно обозначить как «диалог между тирадой и безмолвием». В русской литературе XIX – начала XX века подобные монологи встречаются довольно часто. В статье рассматриваются монологи Ивана Ивановича Ньюхина в пьесе А. П. Чехова «О вреде табака» и Юлии в пьесе В. Я. Брюсова «Путник», а также проводится сравнительный анализ этих трех монологов. Исходя из результатов проведенного анализа определяются характерные черты этих монологов. В частности, делается вывод о том, что подобные монологи выполняют особую функцию: они позволяют герою, произносящему монологическую речь, совершить такой поступок, который кажется неожиданным, поскольку логически не следует из сказанного и даже во многом противоречит ему.

Ключевые слова: монолог, диалог, философия русской литературы, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, В. Я. Брюсов.

The author examines the monologue as an artistic device characteristic of Russian literature of the 19th and early 20th centuries. Monologic speech is usually considered redundant for a work of fiction. However, in some cases it is the monologue that makes it possible to express both the special emotional state of characters and the corresponding ideas of the author. Thus, in the poem “The Great Inquisitor” from the novel by F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov” one can see a typical example of such a monologue. First, the Grand Inquisitor spoke in a peremptory tone to Christ and even wanted to burn him at the stake; however, after the Grand Inquisitor had uttered a monologue he was gripped by fear and allowed Christ to go. At the same time, the Grand Inquisitor did not recant his convictions at all. In this case, the monologue can be conditionally defined as “the dialogue between a tirade and silence”. In Russian literature of the 19th and early 20th centuries, such monologues are a frequent occurrence. The article considers the monologues of Ivan Ivanovich Nyukhin in A. P. Chekhov’s play “On the Harm of Tobacco” and Yulia in the play “The Traveller” by V. Ya. Bryusov. Moreover, a comparative analysis of these three monologues is made. Based on the results of the analysis, the characteristic features of these monologues are determined. In particular, it is concluded that such monologues perform a special function in a literary work: they allow the character, who delivers a monologic speech, to commit such an act which seems unexpected since it does not follow logically from what has been said and even contradicts it in many respects.

Keywords: monologue, dialogue, philosophy of Russian literature, F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, V. Ya. Bryusov.

Введение

Монолог – очень эффективный способ сообщения своей мысли. Теоретически, при помощи монолога, благодаря присущей ему последовательности связи идей, можно передать слушателям даже больше информации, чем при помощи диалога, хотя и в реальной беседе, и в художественных произведениях чаще используется диалог. И если диалог как литературный прием хорошо исследован и понятен, то не так обстоит дело с монологом. В данной статье будут рассмотрены три произведения: поэма «Великий инквизитор» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», пьесы «Путник» В. Я. Брюсова и «О вреде табака» А. П. Чехова. В каждом из этих произведений главный герой произносит длинный монолог, привлекая внимание других действующих лиц. В чем же особенности этих монологов?

О поэме «Великий инквизитор»

Начнем с поэмы «Великий инквизитор». Ее герой, великий инквизитор, произносит свою тираду перед Иисусом Христом¹, который отвечает ему молчанием. По форме его горячая речь является монологом, последовательно развивающим соответствующие идеи, однако после этого «монолога» духовное состояние великого инквизитора кардинально меняется. Сначала он ведет себя властно по отношению к Христу и даже хочет сжечь его на костре, говоря так: «Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi» [6, с. 237]. Однако после произнесения своей речи упрямый инквизитор испытывает страх перед Христом и в результате отпускает его: «Он идет к двери, отворяет ее и говорит ему: “Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!”. И выпускает его на “темные стогна града”. Пленник уходит» [6, с. 239]. В то же время, великий инквизитор не оставляет полностью своих убеждений: «Поцелуй горит на его сердце. Но старик остается в прежней идее» [6, с. 239].

Можно предположить, что после того, как великий инквизитор и безмолвный Христос расстались, негласное общение в сердцах обоих героев продолжалось еще долго, может быть, даже вечно. Итак, мы видим, что «монолог» великого инквизитора имеет особый характер взаимодействия: к нему причастны оба героя.

---

¹ В поэме автор подразумевает Христа, однако не называет его по имени.

Подобный тип монолога, по сути схожего с диалогом, но по форме противоположного ему, является особым литературным приемом.

В качестве важнейшей характеристики такого монолога отметим, что он предполагает общение с собеседником как со своим двойником. Так, великий инквизитор беседует с молчащим Христом и в результате спрашивает у самого себя и сам же отвечает на свои вопросы [10, с. 122–130].

Стоит обратить внимание на эмоциональное состояние великого инквизитора, послужившее, очевидно, причиной тому, что после своей долгой речи он пришел к противоположному результату; то же, что, казалось бы, логически следовало из его монолога, оказалось отброшенным.

Рассмотрим под этим углом зрения два других произведения – «Путник» и «О вреде табака».

*О пьесе «Путник» В. Я. Брюсова:
таинственный и молчащий путник*

В. Я. Брюсов писал в своем письме: «Посылаю Вам свою маленькую драму “Путник”, о которой однажды мне случилось с Вами говорить. Но размеры этой драмы, слишком миниатюрные, и некоторые другие особенности ставят ее, как мне кажется, вне сцены» [8, с. 412]. Его письмо намекает на то, что эта пьеса не предназначена для постановки. Подобный пример есть и в японской литературе: писатель Осаму Дадзай описывал свое произведение «Новый Гамлет» так: «Форма моего произведения похожа на пьесу, но я пишу его, думая о нем как о романе» [4, с. 249]. И еще, в другом месте: «В конце я хочу подчеркнуть, что, хотя жанр этого произведения похож на пьесу в некоторой степени, автор не писал его как пьесу, не знает, как писать пьесы, и надеется, что читатели поймут это произведение как роман» [3, с. 187]. Таким образом, это своего рода «пьеса для чтения», которую можно толковать как роман.

В пьесе «Путник» В. Я. Брюсов сопоставляет тираду с молчанием. В. А. Чудовский писал о молчащем путнике: «Но он участвует в разговоре; его молчание действительно насыщает слова Юлии, – подобно тому, как для умеющего видеть зеркало может наполнить комнату таинственным присутствием своих отраженностей или дверь, раскрытая в соседний мрак, – жутким предчувствием возможных появлений» [12, с. 63]. Отсюда видно, что В. А. Чудовский признает важность молчания как формы общения и считает такое молчание весьма действенным.

«Путник» В. Я. Брюсова – это психодрама в одном действии. Однажды дождливой ночью, когда дочь лесника Юлия присмат-

ривала за домом во время отсутствия отца, в дверь неожиданно постучался загадочный путник. Поначалу Юлия к нему холодна:

Дверь крепкая, вам не сломать ее.
Я ни за что не отопру. А в доме
Собака злая. Проходите с миром» [1, с. 57].

Но затем она впускает путника в дом и начинает рассказывать ему о своей жизни. Сначала путник отвечает ей жестами, но в середине диалога неожиданно замолкает. Юлия постепенно перестает его стесняться и начинает испытывать к нему дружеские чувства.

Понятно,
Что опасалась я впустить мужчину.
Но вы... но ты... совсем другое дело. Ты –
Такой худой и бледный, хилый, слабый.
Должно быть, ты несчастен [1, с. 61].

Она начинает обращаться к путнику на «ты», дает ему имя Робер и рассказывает ему о своей жизни. По мере своего рассказа – довольно длинного монолога – Юлия влюбляется в таинственного незнакомца и видит в нем своего избранника, посланного ей Богом. Она уже не сомневается в том, что Робер – ее рыцарь:

Робер! Мой принц! Мой властелин! Возьми
Меня, как некий драгоценный перл,
Тебе бросаемый из глуби моря!
Возьми меня, как дар безвестной феи,
Тебя завидевшей в глухом лесу!
Возьми меня! Владей мной! Я твоя! [1, с. 67].

А Робер все молчит и молчит. Это молчание невольно расценивается уже не просто как немота путника, а в более широком контексте – как характеристика самой любви и одновременно насмешка над ней: «любящий как бы не слышит любимую, т. е. любящий человек – немой» [5, с. 17]. Именно такой вывод логически следовал бы из монологической речи Юлии – деревенской девушки, живущей в мечтах о сказочном принце на белом коне и принимающей эти мечты за реальность. Развязка драмы оказывается, однако, принципиально иной. Юлия бросается в объятия к путнику, но с ужасом обнаруживает, что он умер.

«О вреде табака» А. П. Чехова

Главный герой пьесы Иван Иванович Нюхин произносит свой монолог, или лекцию «О вреде табака», безостановочно. Он начинает свою речь так: «Между прочим, на сих днях мною написана была громадная статья под заглавием: “О вреде некоторых насекомых”» [11, с. 304], но сразу же предлагает «похожую» тему – о

вреде табака: «О табаке так о табаке – мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должною серьезностью, иначе как бы чего не вышло» [11, с. 305]. Однако, несмотря на требование серьезности со стороны слушателей, сам лектор с самого начала и до конца лекции уклоняется от заявленной им темы и рассказывает то о своей семье и жене, то о заведовании хозяйством музыкальной школы и женского пансиона. Бессвязность и сумбурность изложения как бы подчеркиваются такими фразами, которые характерны как раз для формата лекционного общения: «Впрочем (*поглядев на часы*), ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции» [11, с. 305]; «Но, однако (*смотрит на часы*), мы заболтались и несколько уклонились от темы» [11, с. 306]. В результате вообще невозможно предвидеть, к чему же в итоге приведет монолог лектора.

Вдруг Нюхин восклицает: «Однако за кулисами стоит жена... Пришла и ждет меня там... (*Смотрит на часы*)» [11, с. 308]. До сих пор, забыв о жене, он мог свободно говорить о чем угодно, кроме вреда табака. Вспомнив о ней, он сразу же переходит к заявленной теме лекции и быстро заканчивает свою речь такими словами: «Исходя из того положения, что табак заключает в себе страшный яд, о котором я только что говорил, курить ни в каком случае не следует, и я позволю себе, некоторым образом, надеяться, что эта моя лекция “О вреде табака” принесет свою пользу. Я все сказал. *Dixi et animam levavi!*» [11, с. 308].

Анализируя поэтику пьесы, С. С. Васильева указывает на то, что «основным приемом создания комизма являются постоянные отступления персонажей от заявленной темы обращения к публике» [2, с. 26]. Но дело, как кажется, не только и даже вообще не в этом.

Первое издание пьесы «О вреде табака» вышло в 1886 г. В этом варианте пьесы А. П. Чехов использовал медицинскую и научную терминологию: «Табак есть тело органическое. Получается он, по моему мнению, из растения *Nicotiana Tabacum*, принадлежащего к семейству *solaneae*. Растет в Америке. Главную составную часть его составляет страшный, губительный яд никотин. Химически он, по моему мнению, состоит из десяти атомов углерода, четырнадцати атомов водорода и... двух... атомов... азота» [11, с. 364]; «Будем продолжать... Итак, никотин химически состоит из... из... (*Нервно роется по карманам и ищет глазами бумажку*) Я предлагаю вам запомнить эту формулу... Химическая формула – это путеводная звезда... (*Увидев бумажку, роняет на нее платок. Поднимает вместе с платком бумажку*)» [11, с. 366]; «Итак, приглашаю запомнить формулу! Никотин хими-

чески состоит из десяти атомов углерода, четырнадцати водорода и двух азота. Потрудитесь записать. Представляет он собою бесцветную жидкость с аммиакальным запахом. Для нас, собственно говоря, важно непосредственное действие никотина (*смотри в табакерку*) на нервные центры и мышцы пищеварительного канала» [11, с. 366].

Исследователи творчества А. П. Чехова, в том числе и в Японии, давно заметили, что уже в издании Театральной библиотеки С. И. Напойкина «О вреде табака. Сцена в одном действии. А. Чехонте»¹ вся медицинская терминология отсутствует, и это было неслучайно [7, с. 35]. Возможно, сам автор имел намерение отклониться от первоначальной темы и изменил содержание лекции Нюхина. С. С. Васильева пишет по этому поводу: «Если в первой редакции “О вреде табака” динамику действия определил конфликт между двумя сюжетными ролями персонажа – лектора и мужа своей жены, поэтому действие было внешним, то в последней при сохранении противоречий между сюжетными ролями акцент переносится на внутренний конфликт. Развитие действия становится внутренним, образ “мужа своей жены” “психологизируется”... способностью героя к саморефлексии» [2, с. 27].

Действительно, герой пьесы, читая лекцию, погружается в пространство монологической речи, поскольку остается один, без собеседников, перед молчаливыми слушателями, и сам задает вопросы, на которые сам же и отвечает: «Для переговоров жену мою можно застать дома во всякое время, а программа школы, если желаете, продается у швейцара по 30 коп. за экземпляр. (*Вынимает из кармана несколько брошюрок.*) И вот я, если желаете, могу поделиться. За каждый экземпляр по 30 копеек! Кто желает? (*Пауза.*) Никто не желает? Ну, по 20 копеек! (*Пауза.*) Досадно. Да, дом № 13! Ничто мне не удается, постарел, поглупел» [11, с. 306].

Процесс саморефлексии приводит Нюхина, как и великого инквизитора в романе Ф. М. Достоевского, к глубокому внутреннему диалогу с самим собой [9, с. 92–104]. Нюхин, не стесняясь, жалуется на свою жизнь: «(*Щелкает себя по ще.*) Надо вам заметить, пьянею я от одной рюмки, и от этого становится хорошо на душе и в то же время так грустно, что и высказать не могу; вспоминаются почему-то молодые годы, и хочется почему-то бежать, ах если бы вы знали, как хочется! (*С увлечением.*) Бежать, бросить все и бежать без оглядки... куда? Все равно куда... лишь бы бежать от этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни» [11, с. 306]. Именно этот диалог и составляет суть его монолога.

---

¹ Этот вариант ляжет в основу окончательного текста пьесы «О вреде табака».

Неожиданная концовка

Монолог, как он представлен в трех вышеупомянутых литературных произведениях, не имеет внутренней логики и не ведет к соответствующему умозаключению, в результате чего герои, произносящие монологическую речь, перепрыгивают с темы на тему, обрывают свои мысли и т. п. Однако монолог все-таки управляет героями, давая новый поворот их речи, что влечет за собой неожиданные последствия. В беседе нужен собеседник. Герой, поддаваясь хаотическому движению монологической речи, принимающей форму беседы, незаметно находит такого собеседника в себе самом – в своей душе. В этой «беседе», где нет антагониста, герой сам становится своим антагонистом и беседует с самим собой, как с другим. Такая беседа приводит к необходимости совершать реальные действия. Великий инквизитор освобождает Христа, несмотря на то, что Христос об этом не просит. Нюхин вспоминает вреде табака лишь тогда, когда замечает в зале свою жену. Юлия рассказывает свои потаенные мысли незнакомому путнику, а не своему отцу, зная наперед, что тот будет ею недоволен.

Выводы

Писатели используют монолог как литературный прием, позволяющий раскрыть внутреннее содержание героев не прямым, а косвенным образом. В результате резко меняется линия сюжета и концовка выглядит неожиданной. Все вышеописанные действующие лица: великий инквизитор в поэме «Великий инквизитор», Юлия в пьесе «Путник» и Нюхин в пьесе «О вреде табака», произнося монологические речи перед слушателями, которые молчат или же их не слышат, вступают в глубокий внутренний диалог с самими собой, и именно этот диалог определяет содержание произведения, сохраняя интригу до самого его финала. Неожиданность развязки придает особое очарование этим произведениям.

Литература

1. Брюсов В.Я. Путник // Брюсов В.Я. Полное собрание сочинений и переводов. В 21 т. Т. 15. СПб.: Сирин, 1914.
2. Васильева С.С. Одноактные пьесы А. П. Чехова и Д. Б. Шоу (К проблеме сравнительного изучения) // Вестник ВолГУ. Серия 8. 2005. Вып. 4.
3. Дадзай О. Новый Гамлет // Дадзай О. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5. Токио: Цикума Сёбо, 1998.
4. Дадзай О. Письмо // Дадзай О. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 12. Токио: Цикума Сёбо, 1999.
5. Даниелян Э.С. Малая проза Валерия Брюсова: Афтореф. дис... уч. степ. канд. филол. наук. Тбилиси, 1968.

6. *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы* // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976.
7. *Макихара Дз. «О вреде табака» Чехова и «Как руки Эуривесэ» Блоха: что такое сцена-монолог* // Трагедия-комедия. 1996. № 49(5).
8. *Переписка В. Я. Брюсова с А. И. Сумбатовым-Южиным. 1907–1912* // Неизвестный Брюсов. Ереван: Лингва, 2002.
9. *Томарино Р. Безмолвный Христос и говорящий Христос в произведениях русской и японской литературы. Сравнительный анализ поэмы Ф. М. Достоевского «Великий инквизитор» и романа С. Эндо «Молчание»* // Соловьевские исследования. 2017. Вып. 2 (54).
10. *Томарино Р. Образ Христа в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и в рассказе Дздна Исикавы «Иисус на пожарище»* // Достоевский и современность: Материалы XXXI международных старорусских чтений 2016 года. Новгородский музей-заповедник, 2017.
11. *Чехов А.П. О вреде табака: Сцена-монолог в одном действии* // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13: Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1978.
12. *Чудовский В.А. «Путник» Валерия Брюсова* // Аполлон. 1991. № 2.

Tomarino, Ryoichi. *Monologue as a dialogue in Russian literature of the 19th and early 20th centuries*

References

1. Bryusov, V.Ya. Putnik [The traveller], in Bryusov, V.Ya. *Polnoye sobraniye sochineniy i perevodov. V 21 t. T. 15* [Complete works and translations, in 21 volumes, vol. 15], St. Petersburg: Sirin, 1914.
2. Vasilyeva, S.S. *Oдноактные пьесы А. П. Чехова и Д. Б. Шоу (К проблеме сравнительного изучения)* [One-act plays by A. P. Chekhov and G. B. Shaw (To the problem of comparative study)], in *Vestnik VolgU* [Bulletin of Volgograd State University], series 8, 2005, No. 4.
3. Dadzay, O. *Novyy Gamlet* [The New Hamlet], in Dadzay, O. *Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 5* [Complete works, in 13 volumes, vol. 5], Tokyo: Tsikuma Sobo, 1998.
4. Dadzay, O. *Pis'mo* [The letter], in Dadzay, O. *Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 5* [Complete works, in 13 volumes, vol. 5], Tokyo: Tsikuma Sobo, 1998.
5. Daniyelyan, E.S. *Malaya proza Valeriya Bryusova: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Small prose of Valery Bryusov: The author's abstract of the Candidate of Philology thesis], Tbilisi, 1968.
6. Dostoevsky, F.M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov], in Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy. V 30 t. T. 14* [Complete works, in 30 volumes, vol. 14], Leningrad: Nauka, 1976.
7. Makikhara, Dz. "O vrede tabaka" Chekhova i "Kak ruki Eurivese" Blokha: chto takoye stsena-monolog ["On the Harm of Tobacco" by Chekhov and "Like the Hands of Euryvese" by Blokh: what is a monologue scene], in *Tragediya-komediya* [Tragedy-comedy], 1996, No. 49(5).

8. Perepiska V. Ya. Bryusova s A. I. Sumbatovym-Yuzhinym. 1907–1912 [Correspondence of V. Ya. Bryusov with A. I. Sumbatov-Yuzhin. 1907–1912], in *Neizvestnyy Bryusov* [Unknown Bryusov], Yerevan: Lingva, 2002.
9. Tomarino, R. Bezmolvnyy Khristos i govoryashchiy Khristos v proizvedeniyakh russkoy i yaponskoy literatury. Sravnitel'nyy analiz poemy F. M. Dostoyevskogo “Velikiy inkvizitor” i romana S. Endo “Molchaniye” [The silent Christ and the speaking Christ in the works of Russian and Japanese literature. Comparative analysis of the poem by F. Dostoevsky “The Great Inquisitor” and the novel by S. Endo “Silence”], in *Solov'yevskiy issledovaniya* [Solovyov studies], 2017, No. 2 (54).
10. Tomarino, R. Obraz Khrista v romane F. M. Dostoyevskogo “Brat'ya Karamazovy” i v rasskaze Dzdna Isikavy “Iisus na pozharishche” [The image of Christ in the novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoyevsky and in the story “Jesus at the Conflagration” by Dz. Ishikawa], in *Dostoyevskiy i sovremennost': Materialy XXXI mezhdunarodnykh starorussskikh chteniy 2016 goda* [Dostoevsky and Modernity: Materials of the 31st International Old Russian Readings of 2016], Novgorod open-air museum, 2017.
11. Chekhov, A.P. O vrede tabaka: Stsena-monolog v odnom deystvii [On the harm of tobacco: A scene-monologue in one action], in Chekhov, A.P. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. T. 13: P'yesy. 1895–1904* [Complete works and letters, in 30 volumes, vol. 13: Plays. 1895–1904], Moscow: Nauka, 1978.
12. Chudovsky, V.A. “Putnik” Valeriya Bryusova [“The traveller” by Valery Bryusov], in *Apollon* [Apollo], 1991, No. 2.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.16>